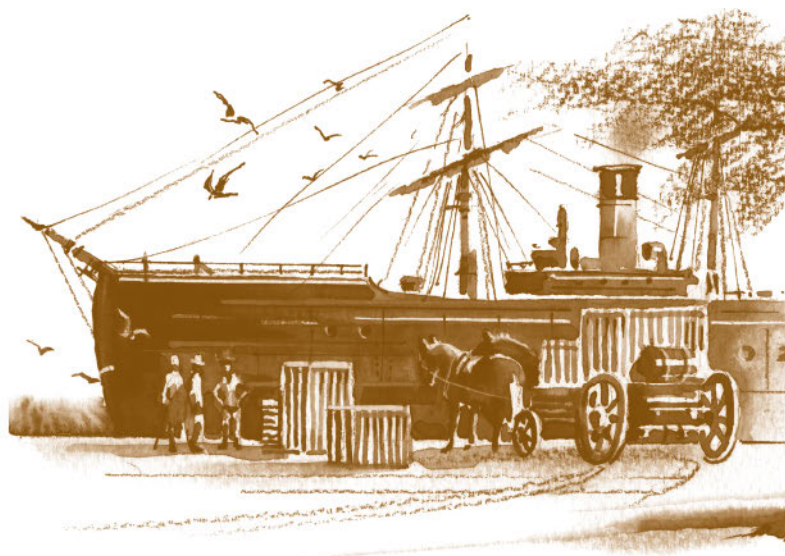

АЛЬФРЕД ШКЛЯРСКИЙ

ТОМЕК

в стране кенгуру

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Месть

Звонок вот-вот должен был возвестить конец перемены. Школьный коридор медленно пустел, ученики уходили в классы, в стенах школы постепенно устанавливалась тишина. Небольшая кучка четвероклассников¹ вертелась вблизи парадной лестницы и у двери, ведущей в учительскую. По мере того как приближался конец перемены, в сердца сновавших по коридору ребят проникала робкая надежда: не пришел учитель географии Красавцев. Во всяком случае, его не было ни в канцелярии, ни в учительской. Может быть, он заболел и вообще не придет сегодня в школу? А может быть, он хотя бы опоздает, как это часто с ним бывало? Среди ребят, шепотом беседовавших в коридоре, выделялся Томек Вильмовский, хорошо сложенный блондин, оживленно утешавший своих нервничавших друзей:

— А я вам говорю, сегодня Пилы в школе нет. Я убедился в этом лично и ручаюсь, что это правда. Может быть, его служанка, уходя в город за покупками, нечаянно

---

¹ В первый класс гимназии в царской России принимали мальчиков в возрасте 9–10 лет, значит в тексте речь идет о 13–14-летних подростках.

заперла дверь на ключ? Вот была бы потеха! Вы себе представляете Пилу с журналом в руке, мечущегося из угла в угол по квартире? Ах, если бы это увидеть!

Лица у ребят засияли при мысли о такой великолепной возможности. Впрочем, трудно удивляться, что домыслы Томека возбуждали у его друзей надежду и радость. До летних каникул оставалось не больше трех недель, а Красавцев, или, как его дразнили ученики, Пила, предупредил, что перед своим ускоренным отъездом в Россию оставит «польским бунтовщикам» о себе такую память, что они не забудут о нем весь следующий год «сидения» в том же классе. Эта угроза могла означать только лишь ухудшение отношения дирекции гимназии к четвероклассникам.

Опасения были не лишены оснований. Некто Мельников, назначенный несколько месяцев назад директором гимназии, очень твердо требовал от своих воспитанников безусловного послушания и привязанности к царской фамилии. Дело в том, что наш необыкновенный рассказ начинается в 1902 году, в то время, когда значительная часть Польши находилась под правлением русских царей. Новый директор, которого ученики возненавидели всеми фибрами своей души, отличался чрезвычайным усердием в деле русификации польской молодежи. Ему было мало того, что все уроки велись на русском языке. Мельников — и под его влиянием некоторые учителя — строго следил за тем, чтобы ученики в школе вообще не говорили по-польски. Новый директор посвящал много времени изучению семейных отношений своих воспитанников. Он на каждом шагу и в каждом ученике подзревал враждебность к царской России, что, как правило, отражалось в дневниках учеников единицами и двойками по многим предметам.

Сразу же после своего назначения в гимназию Мельников обратил внимание на четвертый класс. По его мнению, в этом классе не было «русского духа». Четверо-классники не очень прилежно учили русскую историю, многие из них плохо знали русский и, как утверждали доносчики, говорили между собой по-польски. Обеспокоенный этим директор обратился за справкой в полицию и узнал, что некоторые из родителей его учеников считались «неблагонадежными». Поэтому, недолго думая, директор решил разорить «осиное гнездо» и выдал соответствующее приказание своему доверенному — учителю географии, шестидесятилетнему Красавцеву.

Мельников вызвал Красавцева в Варшаву и определил его на место учителя, который после несчастного случая заболел и подал в отставку. Красавцев, одинокий,

обозленный человек, часто искал забвения в алкоголе. Поэтому в школе он был чрезвычайно рассеян, сосредоточив внимание на выполнении тайных распоряжений Мельникова. Чтобы ничего не забыть, Красавцев вносил в записную книжку важнейшие приказания своего начальника. В эту книжку он постоянно заглядывал во время урока.

Ученики прекрасно чувствовали отношение директора и его приспешника к ним, поэтому недвусмысленная угроза Красавцева возбудила у них страх перед последним в этом учебном году уроком географии.

В коридорах школы резко задребезжал звонок. Четвероклассники с облегчением вздохнули. Они вошли в класс и через приоткрытую дверь наблюдали за учителями, спешившими на урок. Красавцева не было. Но вот Юрек Тымовский, скрытый за колонной в коридоре у лестничной клетки, стал делать рукой знаки, будто пилит дерево. Томек Вильмовский сразу же понял, в чем дело.

— Вот, черт возьми! Все же Пила появился в школе, — обратился он к укрывшимся за ним товарищам.

Юрек Тымовский вошел в класс. Разочарованно махнул рукой, говоря:

— Пила уже на лестнице. На ходу снимает пальто и немилосердным образом сопит... Это же надо, чтобы в такой прекрасный солнечный день человека ожидала позорная судьба...

— Может, обойдется. Важнее всего не терять присутствия духа, — шепнул Томек, сжимая локоть друга.

Взволнованные ребята спешно занимали свои места. Исключение составлял первый ученик Павлюк, известнейший подлиза, который среди товарищей слыл ябедником и шпионом. Ему-то бояться нечего. Он сидел прямо

и со злобным удовлетворением смотрел на обеспокоенных соседей.

Томек Вильмовский сел за парту рядом с Юреком Тымовским. У него, собственно, не было причин опасаться за себя. Он превосходно учился, а география была его любимым предметом. Если бы среди большинства учителей он не пользовался репутацией «польского бунтовщика», то, по всей вероятности, считался бы первым учеником. Сегодня он боялся только за своего приятеля, которому угрожала явная опасность остаться на второй год. В школе все знали, что у отца Юрека недавно были неприятности с жандармерией. Он был инструктором верховой езды в манеже на Литовской улице, где, как подозревала полиция, происходили тайные собрания поляков, выступавших против царской России. За это Мельников уже не раз вредил Юреку, да и теперь не было сомнения, что он поручил Юрека «опеке» Красавцева. Томек дружил с Юреком и очень любил его отца. Благодаря хорошим отношениям с Тымовскими он пользовался в манеже некоторыми привилегиями. Старший Тымовский в свободное время обучал мальчиков верховой езде. По уверениям инструктора, Томек держался в седле очень хорошо. И чрезвычайно гордился этим. Скромные материальные возможности опекунов не позволяли ему слишком много развлекаться. По многим соображениям бесплатное обучение верховой езде было для него огромным удовольствием. Теперь Томек с беспокойством думал о том, сколько хлопот и неприятностей ожидает отца Юрека, если его сын не перейдет в следующий класс.

Со школьным журналом под мышкой Красавцев вошел в класс. Достаточно было одного взгляда, чтобы заметить плохое настроение учителя. Шаркая ногами, он уселся за кафедру, разложил на ней журнал и, что-то

бормоча себе под нос, стал нервно копаться в карманах. Не находя того, что ему нужно, гневно морщил лоб. Видя это, Юрек Тымовский обратился к Томеку и тихо сказал:

— Ого, вот будет Страшный суд! Наверное, Пила опять забыл свои очки...

— Ну и хорошо! — тоже шепотом ответил Томек. — А может быть, и записную книжку забыл сегодня...

Надежды ребят исполнились только наполовину. Как раз в этот момент учитель достал из кармана записную книжку, положил ее перед собой и в гневе пожал плечами: очков не было. Некоторое время он что-то искал на страницах записной книжки, после чего начал кривым пальцем водить по журналу, который лежал перед ним на кафедре.

Урок начался. Красавцев то и дело вызывал учеников к доске. Задавал один или два каверзных вопроса и ставил в журнале отметку. Оценки были весьма суровые.

Томек и Юрек сразу же сообразили, что учитель вызывает тех учеников, родители которых считались «неблагонадежными». Юрек сидел с опущенной на грудь головой. Томек беспокойно поглядывал на дверь, ведущую в коридор.

«Может быть, уже скоро звонок и конец урока! — думал он. — Что будет, если Юрек получит двойку по географии?!»

Действительно, положение Юрека Тымовского было незавидное. Ведь и без того он почти по всем предметам получал плохие отметки, так как не мог должным образом усвоить русское ударение¹.

---

¹ В польском языке, в отличие от русского, ударение почти всегда падает на предпоследний слог; в исключительных случаях — на третий слог от конца слова.

Красавцев, низко склонившись над журналом, продолжал водить пальцем по странице, теперь он задерживался на фамилиях, начинающихся с последних букв алфавита.

Вот он вызвал Татаркевича.

— Такой провал — и как раз в конце года, — шепнул Юрек. — Чувствую, что следующим буду я...

— Сейчас, верно, прозвенит звонок, может быть, он не успеет... — утешил его Томек, хотя сам не верил в счастливый конец урока.

Невольно он взглянул на учителя. Тот как раз ставил отметку Татаркевичу, носом почти касаясь журнала. Это обстоятельство подсказало Томеку сумасбродную идею. Учитель давно болел глазами, он был очень близорук, а сегодня, к счастью, забыл очки, и все его внимание было сосредоточено на журнале, в котором он с таким удовольствием ставил плохие отметки.

«Надо во что бы то ни стало спасти Юрека, хотя бы из благодарности к его отцу, — решил Томек. — Будь что будет! Была не была!»

Красавцев, по-прежнему не отрывая глаз от журнала, вызвал:

— Тымовский!

— Сиди! — шепнул Томек и, скрывая волнение, стремясь сохранить полное спокойствие, вышел вместо Юрека к доске.

Ученики взволнованно зашевелились за партами, но потом замерли, затаив дыхание.

В классе воцарилась мертвая тишина.

Все знали, что Красавцев готовится нанести смертельный удар. Несколько секунд он с иронической улыбкой на лице думал, какой вопрос задать, чтобы утопить

нелюбимого ученика, и, не поднимая и не поворачивая головы, буркнул:

— Ну-ка скажи, как называется самая длинная на земле цепь островов!

Всегда решительный и в опасные моменты собранный Томек сумел совладать с внезапно охватившей его дрожью. Подражая голосу Юрека, он ответил:

— Самый длинный на земле архипелаг островов — это Японские острова. Они тянутся вдоль восточного побережья Азии и вместе с Малайским архипелагом омываются четырьмя большими морями: Охотским, Японским, Желтым и Восточно-Китайским. Японский архипелаг состоит из пяти больших островов и около шестисот малых. Четыре больших острова составляют собственно Японию. Японские острова — это последняя суша со стороны Тихого океана, поэтому японцы называют свою родину Страной восходящего солнца.

Учитель вздрогнул, неприятно удивленный ясным и превосходным ответом. Он немедленно задал второй вопрос.

— Перечислите важнейшие вулканы Мексики!

— Важнейшими вулканами Мексики являются Орисава, высота пять тысяч пятьдесят метров, и Попокатепетль, высота которого достигает пяти тысяч четырехсот пятидесяти метров. Они замыкают низменность Мексики с юга и придают пейзажу страны своеобразную красоту.

От волнения Красавцев громко засопел. Второй ответ был так же хорош, как и первый. Он задумался и наконец задал коварный вопрос:

— Гм-гм, скажи-ка ты мне, что ты считаешь крупнейшим достижением в мире за последние десять лет?

Томек моментально понял, что попал в ловушку. Что бы он ни ответил, Красавцев может ему возразить.

«Надо схитрить, чтобы поразить Пилу», — подумал он. И, вспомнив статью, прочитанную в газете несколько дней назад его дядей, спокойно ответил:

— Крупнейшим достижением цивилизованного мира за последнее десятилетие, несомненно, является строительство Транссибирской железной дороги в России. Протяженность линии от Москвы до Владивостока составляет свыше восьми тысяч километров. Это одна из длиннейших железных дорог в мире.

Красавцев сидел без движения, будто пораженный молнией. Откуда этот сын «бунтовщика» мог догадаться, о чем он спрашивает? Ведь теперь ни в коем случае нельзя было возразить. И хотя старый пьяница-учитель не колебался, ставя плохие отметки по приказанию директора, но теперь отличные ответы плохого до сих пор ученика ему понравились. Нет, этого паренька, несмотря на горячее желание, оставить на второй год в классе нельзя.

«Ну и черт с ним! Ведь один такой мальчишка не сможет повредить великому царю», — подумал он, а громко сказал:

— Счастье твое, что ты подготовился к ответу... даже ударение у тебя стало лучше. Я думаю, что ты мог бы знать географию, как этот плут Вильмовский; ну, иди на место!

Томек едва удержался от смеха. Красавцев быстро поставил в журнале пятерку, а все ученики начали тихонько посмеиваться.

И вдруг произошло нечто ужасное. Павлюк встал и сказал:

— Господин учитель, ведь это не Тымовский!

Томек побледнел и остановился. Правда, в этот момент Юрек, сидевший за партой за Павлюком, крепко

потянул ябедника за ухо, но было уже поздно. Учитель поднял голову. Посмотрел на Томека, усомнившись, не подводит ли его зрение.

— Подойди-ка ближе, — сказал он

Томек сделал два маленьких шага по направлению к кафедре.

— Еще ближе, — буркнул Красавцев, широко открыв глаза.

Томек подошел к самой кафедре.

— Что же это значит, Вильмовский? — грозно спросил учитель, всматриваясь в лицо Томека. — Ведь я вызывал Тымовского!

— Никак нет, господин учитель! Я ясно слышал свою фамилию, — ответил Томек, опасаясь, что громкий стук сердца выдаст его.

— Ерунду городишь! Я вызывал Тымовского, — возмущенно повторил Красавцев.

Павлюк хотел отозваться, но Юрек потянул его за полу мундира, шепча:

— Изобьем тебя как сидорову козу, если скажешь хотя бы одно слово, ты, ябеда!

Красавцев, не уверенный в себе, подозрительно глядел на Томека. Может быть, он действительно ошибочно назвал фамилию? Он раздумывал, не провести ли расследование.

— Извините, господин профессор, если я плохо слышал. — Томек изменил тактику защиты. — Я так хотел ответить еще раз до конца года... По всей вероятности, я ошибаюсь, потому что вы, господин учитель, ошибаться не можете.

Под влиянием неожиданной лести Красавцев несколько подобрел. Вильмовский был превосходным учеником по географии, поэтому Красавцев всегда вызывал его во

время посещения класса инспекторами. Несмотря ни на что, учитель питал слабость к веселому и сметливому пареньку. Посмотрел на часы, лежавшие на кафедре. Урок вот-вот должен кончиться. Он решил еще раз вызвать Тымовского, против фамилии которого в его записной книжке стояла жирная красная точка.

— Ну, Вильмовский! В следующий раз будь внимательнее, а то будет тебе худо, — сурово сказал учитель.

Томек глубоко вздохнул, как человек, выплывший на поверхность после длительного пребывания под водой. У него сейчас же улучшилось настроение. До звонка остались считанные минуты, и Юрек будет спасен. Чтобы выиграть время, он низко поклонился учителю и, приговаривая раскаявшимся, сказал:

— Мне так неприятно, господин учитель, за мою рассеянность. Я вам очень благодарен за то, что вы простили мне ошибку. Еще раз очень извиняюсь, господин учитель.

— Ну ладно, ладно, Вильмовский, — бормотал Красавцев. — Иди уж на место. Тымовский, к доске!

Однако, пока Юрек подходил к кафедре, в коридоре раздался звонок. Красавцев моментально забыл об ученике. Сегодня ему предстояло сделать несколько прощальных визитов перед отъездом на каникулы в Россию. Он быстро спрятал часы и записную книжку в карман и захлопнул журнал. Бормоча что-то под нос, он спешно выбежал из класса.

— Ты меня спас, — шепнул Юрек Томеку.

Они вместе вышли из класса. В коридоре их окружили товарищи. Все они поздравляли Томека, удивляясь его отваге и присутствию духа. Все были возмущены поступком Павлюка. Предлагали сразу же избить ябедника, но Томек прекратил спор, сказав: